

Ночное дежурство

Сергей Монастырский

18+

Сергей Семенович Монастырский

Ночное дежурство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70625953

SelfPub; 2024

Аннотация

Аннотация В этой онкологической клинике смерть была делом обыденным. Олег – молодой врач – привык к этому человеческому горю и потому очерствел. Но однажды ночью в этой палате больной попросил о разговоре.

Сергей Монастырский

Ночное дежурство

В этой австрийской клинике была старая традиция: когда наступал смертельный час, больному приносили бутылку шампанского. И врач самолично подносил умирающему бокал.

Он знал об этом. И хотя сам был врач и понимал, что дни его сочтены, дверь в палату все не открывалась и не открывалась. Но в это хмурое утро вошла сестра.

– Что, уже? – спросил он.

Появившейся вслед за сестрой врач, поставил на поднос открытую уже бутылку.

– На посошок! – сказал он помолчав.

Антон Павлович взял бокал, отхлебнул маленькими глотками.

– Давно я не пил шампанского! – сказал он.

Чтобы никого не видеть и остаться в одиночестве, отвернулся к стене. Закрыв глаза.

«Так умер Антон Павлович Чехов...»

... Олег закрыл книгу. За окном заканчивалась ночь. Заканчивалось и его ночное дежурство.

Скоро начнут просыпаться от беспокойного ночного сна, от спасательного забвения больные его онкологического отде-

ления.

–Красиво умер. – подумал Олег о Чехове. – Впрочем, – поправил он себя, – красивой смерти не бывает.

Сколько он за свою практику видел, смерть всегда была страшной!

Первый раз он смерть видел еще задолго до медицинского института, когда по просьбе мамы приносил продукты её давней подруге, умиравшей от рака.

Комната в её сталинской квартире с высокими потолками была залита солнечным светом, сквозь распахнутые форточки доносились крики играющей во дворе ребятни. И сразу после того, когда он поставил принесенное на тумбочку, она поманила его пальцем.

– Если бы ты знал, Олежек, – прохрипела она, – как мне не хочется умирать! – А было ей далеко за восемьдесят!

... Уже давно Олегу смерть представлялось чем-то обыденным. Все умирают рано или поздно. Он даже не думал, что и сам когда-то умрет. Сегодня в одной из палат умирал Иван Николаевич.

Обычно в клинике таких уже не держат, никакой надежды уже нет, и чтобы они не портили статистику, их выписывали.

Но отдавать Ивана Николаевича было некуда. Дом был. А дома никого не было. Жена лет пять назад как тоже умерла. Родственников, кроме дочери, у него не было, да и та жила за границей.

– Ну, что её вызывать? – говорил Иван Николаевич, – у

неё своя жизнь.

И писал дочери, что у него все хорошо, лечится.

Олег подумал, как умрет он сам? Хотел бы как Чехов! С бокалом шампанского.

– Нет, – поправил он себя, – в смерти ничего красивого нет! Лучше уж, как его, Олега, друг – ночью, у него остановилось сердце. Даже не заметил, что умер.

Так же прижималась теплой грудью жена, также спала в соседней комнате дочка. Также должно было взойти утром солнце.

Не вошло. Но он этого не узнал.

Олег встряхнулся от этих сумрачных мыслей. Утро уже по-хозяйски заглядывало в ординаторскую. Вместе с ним начался обход. Олег зашел в палату, где лежал Иван Николаевич. Тот поманил его пальцем.

– Поговорить бы.

– После обхода! – ответил ему Олег.

Больной посмотрел печальным и безнадежным взглядом.

Олег все еще находился под впечатлением от рассказа о Чехове.

– А сейчас? – попросил он.

Он опять представил, что это он сам лежит на больничной кровати, как будто это у него последняя, безнадежная стадия и это он хочет сказать последние слова, а сказать то и некому.

Олег сходил в перевязочную, взял каталку, и также тихо возвратился в палату. Сестер будить он не стал, поду-

мал справится сам. Иван Николаевич действительно оказался легким. И они никого не разбудили.

В ординаторской Олег приставил каталку к окну, чтобы старик смог видеть наступающий рассвет, и сел рядом в кресло.

Иван Николаевич молчал. Молчал и Олег, понимая, как трудно начать чем-то делиться с чужим человеком.

– Знаешь, – сказал Иван Николаевич, – я ведь почти все ночи со своими разговариваю: – с женой, дочкой и с маленькой моей внучкой. Хотя, конечно, они никогда меня не услышат. Все слова мои уходят в пустоту. Никто из них не слышит. Ты меня извини, что тебя позвал. Как-то легче, вроде, рядом кто-то есть.

– О чем разговариваете?

– Да так, бессвязно, что в голову придет! Странно, думал, когда буду умирать, скажу, что-то главное. Конечно, самое главное я говорю жене, сказал, что люблю её. Редко в последние годы говорил, потом она умерла. Не успел.

Про дочь думаю. Она у меня поздняя – почти сорок лет мне было. Раньше никак не получалось столько лет.

Это не просто ребенок, это вся жизнь!

.... У нас с ней была любимая сосна в лесу, рядом с дачей.

Вечером мы к ней ходили. Лет пять ей было. Брали с собой печенье, хлеб и зарывали в землю около сосны.

– Вот заблудится кто-нибудь в лесу, сядет здесь голодный и поест.

Она любила играть в эту игру.

А потом без неё приходил, выкапывал и когда в следующий раз она проверяла ямки, дико радовалась!

– Смотри, папа. Кто-то съел.

Как-то в последний её приезд, мы сидели вечером дома и разглядывали старые фотографии в компьютере.

И она узнала эту сосну. И еще много-много снимков из её уже далекого детства.

Это было такое счастье!

Ведь те годы были самые счастливые. Она была еще маленькая и мы были с женой молодые!

– Слушайте, сказал Олег, почему бы вам не позвонить, все-таки дочь, поговорите с ней об этом хотя бы по телефону!

– Ни в коем случае, – серьезно сказал Иван Николаевич, – пусть живет своей жизнью! Она же тут не живет! – напомнил он, зачем? Чтобы я, старик, выговорился?!

Он подумал и закончил:

– Приедет, конечно, на похороны. Но один раз. И последний. И не будет душу рвать разговорами.

– А кто же вас будет хоронить?

– Соседка! – Неохотно ответил Иван Николаевич, – я ей и деньги оставил. Мы с ней лет двадцать рядом живем.

– Не обманет?

– Да вы что? – возмутился Иван Николаевич! – Нам всем скоро перед богом...

.... А вот если бы и приехала, – помолчав, продолжил нечеткую мысль, – чтобы я ей сказал?

– Знаете, я долго готовил речь. А потом подумал, вот совсем недавно, чтобы я ей сказал. А сказал бы просто:

– Будь счастливой во всех обстоятельствах, при всех мнениях, при любой карьере – будь счастливой.

И папа будет за тебя счастлив!

Иван Николаевич вдруг забеспокоился. Сунул руку в карман, и нашел то, что искал.

– Послушайте доктор, – сказал он. – Именно эти слова я здесь и написал. – Он вытащил конверт.

– Пожалуйста, проследите, чтобы ей передали! Меня же из вашего морга ей передадут! И подумав, добавил:

– А Вам спасибо, за то, что поговорили! Это как будто с ней говорил!

Серое утро все настойчивее входило в больничные палаты.

– Ну, мне пора! – сказал Олег. – Дежурство заканчивается. Сейчас будет обход. И взявшись за спинку каталки, повез Ивана Николаевича в палату.

– Может, еще увидимся! – сказал Иван Николаевич.

– Обязательно, – ответил Олег.

... В палате Иван Николаевич заснул спокойным сном. И снилась ему жена – его любовь, которая и родила ему его вторую любовь.

За забором остались серые больничные корпуса.

– Был бы я главным, покрасил бы эти стены в яркий цвет
– подумал Олег.

Сел в машину и уехал в свою молодую, еще долгую жизнь.